

Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чемъ тутъ, Боже справедливый,
Не судятъ милыя уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человекъ нелживый—
А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышала я слова...

XIV.

Итакъ, тамбовская красotka
Цѣнить умѣла ужъ усы.

.....

Что жъ—знаніе ея сгубило!
Одинъ уланъ, повѣса милый,
[Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ],
Въ трактирѣ номеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчиною въ тридцать лѣтъ,
Штабсъ-ротмистръ, строень, какъ корнетъ,
Взоръ пылкій, усъ довольно черный;
Короче, идеаль дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

XV.

Онъ все отцовское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ;
Съ тѣхъ поръ дарами Провидѣнья,
Какъ птица Божія, онъ жилъ.
Онъ, спать ложась, привыкъ не вѣдать—
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ,
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полушьянымъ ремонтѣромъ,
То вологитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣмъ имѣли хвастовства.

XVI.

Страстями земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда
И не смущенъ бы былъ и раемъ,
Когда бъ попался и туда.
Бывало, въ дѣлѣ, подъ картечью,
Всѣхъ размѣшить надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
Чтобъ отъ кнута избавить вора.
Порой, незлобенъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ, но шутя.

XVII.

Онъ не былъ тѣмъ, что вологитой
У насъ привыкли называть:
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя пролагать.
Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни;

А не смотря на то, друзья,
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.
.....
Таковъ-то былъ штабсъ-ротмистръ Гаринъ
По крайней мѣрѣ мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

XVIII.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
Онъ у трактирщика узнать.
Узналъ не мало онъ смѣшного—
Интригъ секретныхъ шесть иль пять;
Узналъ, невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся, иль сваты;
Но занялъ болѣе всего
Мысль безпокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
«Бѣдняжка!» думаетъ уланъ:
«Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ
Тебя стеречь! и я, злодѣй,
Не тронусь участіемъ твоей!»

XIX.

Къ огню посѣшню онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ;
Въ устахъ его едва дымитъ
Узорный бисерный чубукъ.
На гудри мягкія надѣта
Ермолака вишневаго цвѣта
Съ каймой и кистью золотой—
Даръ молдаванки молодой.
Сидитъ и смотритъ онъ прилежно.
Вотъ, промелькнувши какъ во мглѣ,
Обрисовался на стеклѣ
Головки милой профиль нѣжный;
Вотъ будто стукнуло окно...
Вотъ отворяется оно.

XX.

Еще безмолвенъ городъ сонный,
На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
Еще по улицѣ мошеной
Не раздастся стукъ каретъ...
Что жъ казначейшу молодую
Такъ рано подняло? Какую
Назвать причину повѣрнѣй?
Ужъ не бесоница ль у ней?...
На ручку опершись головкой,
Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
Чулочъ; но дѣло не въ чулчѣ—
Заняться этимъ намъ неловко.
И если правду ужъ сказать,
Ну, кстати ль было бѣ ей вязать?

XXI.

Сначала взоръ ея прелестный
Бродилъ по синимъ небесамъ,
Потомъ склонился къ поднебесной
И вдругъ—какой позоръ и срамъ,
Напротивъ, у окна трактира,
Сидитъ мужчина—безъ мундира.